

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ

МОСКВА
1938

Уполн. Главлита В—32821.
Объем 18 печ. л. по 64.000 знаков.
Одано в набор 15/II—38 г. Подписано к печати 11/II—38 г.
Тираж 80.000. Завод 10.000. Заказ № 3288.
Технический редактор А. И. Гессен.
Тип. «Известий» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

*ВКЛАДКИ — портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина,
М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилова.*

	Стр.
XX ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА	5
ЛЕНИН-ВОЖДЬ, перевод с армянского	11
НАС ПОВЕЛ ТОВАРИЩ СТАЛИН, перевод с украинского	16
ДЖАМБУЛ — Вооруженный народ, поэма	17
АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — Хлеб, повесть, окончание	27
МИХ. ШОЛОХОВ — Тихий Дон, роман, продолжение	105
Н. НЕЗЛОБИН — Партизанская, стихотворение	126
М. АЛИГЕР — Победители, стихотворение	127
БОРИС ЛАВРЕНЕВ — Выстрел с Невы, рассказ	129
АЛЕКСЕЙ СУРКОВ — Походная, стихотворение	142
С. ДИКОВСКИЙ — Конец «Саго-Мару», рассказ	143
К. КЛОСС — Танкисты, повесть	157

★

ФРУНЗЕ, стихотворение, перевод с казахского	178
Н. КРУЖКОВ — Михаил Васильевич Фрунзе	179
ОБРАЩЕНИЕ К ВОРОШИЛОВУ, стихотвор., пер. с казахского	188
К. АНАНЬЕВ — Климент Ворошилов	189
ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ, русская песня	210
К. ПАУСТОВСКИЙ — Маршал Блюхер	211
ОСВОБОДИТЕЛЮ КАВКАЗА, перевод с кабардьянского	224
ВС. САБЛИН, Э. ФАЗИН — Товарищ Серго,	225

★

А. ВИНОГРАДОВ — Василий Чапаев	231
МИХ. ЕВГЕНЬЕВ — Щорс и Боженко,	247
О. КОТОВСКАЯ — Воспоминания о Котовском	255
А. ПЕРВЕНЦЕВ — Иван Кочубей	263

★

П. АЛЕКСАНДРОВ — Приезд товарища Сталина в Первую Конную армию	276
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

К. Е. Ворошилов — Сталин и Красная Армия	284
--	-----

★

Маршал Блюхер

К. ПАУСТОВСКИЙ

★

До сих пор мы еще плохо знаем, как создаются народные легенды. Они возникают в глубинах страны — на степных шляхах, в лесах, у догорающих ночью костров. Их рассказывают бывшие бойцы, сельские школьники, пастухи. Их поют дрожащими голосами лирники, ашуги и ахуны.

Легенды рождаются, как ветер. Они шумят над страной и передаются из

уст в уста. Они разносят славу побед и гордость народа своими сынами и дочерьми. Народ награждает лучших людей прекрасными легендами, точно так же, как правительство награждает их званием героев.

Легенда — это всенародное признание, проявление любви и благодарности. Мы знаем легенды и песни о Ленине и Сталине, Пушкине и Горьком, Ворошилове и Блюхере, Кирове и Фрунзе.

Имя Блюхера окружено славой освободителя. Ни один из завоевателей-полководцев прошлого не мог сказать, как Блюхер:

— Волочаевская эпопея показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными.

Слава Блюхера — это отблеск славы величайшей в мире революции. Блюхер рожден и воспитан ею. Он — ее сын, ее солдат и один из ее полководцев. Он обладает личными качествами, свойственными гражданину социалистической страны и полководцу рабочей армии. Он спокоен и скромен, смел и находчив, упорен и тверд.

★

Василий Константинович Блюхер — волжанин. Он родился в 1889 году. Всего полтора года он учился в сельской школе, потом его отвезли в Петербург и отдали «мальчиком» в магазин.

Жизнь этих «мальчиков при магазине» была невыносимой. Их били за каждую пустяковую провинность или просто так, без нужды, чтобы «выбить дурь». У приказчиков существовала традиция непрерывно глумиться над ними. Их заставляли работать почти круглые сутки — мести и мыть полы, перетаскивать тяжелые товары, разносить по городу покупки, прислуживать хозяину и его подручным. Их воспитывали покупчески: «не обманешь — не продашь», «не пойман — не вор». Обстановка мелких краж и злобы окружала этих худых, без кровинки в лице, маленюх рабов.

У Блюхера не было детства. В петербургской лавке, на побегушках, он сразу же, без всяких подготовок узнал и возненавидел тогдашнюю жизнь, отталкивающее лицо старого строя.

Из магазина Блюхер еще подростком ушел на завод. Он работал на французском заводе Берга. Все свободное время он читал запоем, без разбора.

У Блюхера, как и у Горького, единственной школой, единственным его университетом в молодости были книги и люди.

Сила книг, сила знаний, добытых из этих книг, была в те времена различна для людей разных классов. Блюхер сам вырывал знания из книг, он их искал всюду. Его пытливость была неистощима. Поэтому знания и обогащали его во стократ сильнее, чем сыновей других классов, сыновей буржуазии, учившихся в гимназиях и университетах в силу обязанности или традиции.

Обширные знания дают закалку революционному темпераменту. Эту закалку Блюхер начал приобретать с мальчишеских лет.

В 1909 году, когда Блюхер поступил рабочим на Мытищинский вагоностроительный завод под Москвой, он уже был юношей-революционером с ясной головой и твердой волей.

Были годы реакции. Их звали тогда безвременьем. Смысл этого слова почти непонятен молодому советскому поколению. Это слово умерло с первых же дней революции.

Безвременье — это серые, долгие годы приглушенной, почти потухшей легальной общественной мысли, годы ожидания, годы жестоких расправ царского правительства со всем живым и беспокойным, что еще оставалось в стране.

Но безвременье существовало преимущественно для интеллигенции. На закопченных заводах, в дощатых домах рабочих окраин шла напряженная жизнь. Революционная мысль и революционный гнев росли, крепились, захватывали все более широкие пласты рабочих масс и городской бедноты, ремесленников и крестьян. Большевицкая партия упорно работала в подполье.

В 1910 году молодой мытищинский рабочий Блюхер впервые выступил как революционер. С каменной тумбы на заводском дворе он произнес перед рабочими горячую речь. Он призывал к забастовке. За это он был приговорен к 2 годам 8 месяцам тюрьмы.

Тюрьма была для Блюхера продолжением революционной школы. Для истинных революционеров даже годы сидения в одиночестве никогда не пропадали даром, — тюрьма делала их непримиримыми, уничтожала без остатка мысль о

возможности мирного пересоздания общества.

С первых же дней европейской войны Блюхер был взят в армию. Он был простым солдатом, рядовым, но прежде всего — революционером.

Не было лучшего места для роста революционного сознания и для революционной работы, чем затоптанные поля сражений, сгоревшие местечки, залитые глинистой водой окопы. Громадные армии, миллионы рабочих и крестьян, одетых в шинели и папахи, были согнаны на эти поля убивать и умирать во имя прибылей, рынков, торговых сделок.

Нищие, измаявшиеся от непонимания своей беды крестьяне, растерянные, не знавшие, где враги, где друзья, месили кровавую грязь, отступая без снарядов, без патронов, озлобленные, ежеминутно готовые к восстанию. Слово «измена» катилось по фронтам и еще больше мutilо головы солдатам.

Позади, за спиной ждала нищета, бесправие, голодный тиф. Впереди — ураганный огонь, немцы, бессмысленная смерть. Чудовищный, еще небывалый в мировой истории обман народных масс совершался у всех на глазах.

Всюду — в окопах и на ночевках в амбарах-стодолах, в походе и в боях Блюхер разоблачал этот обман, бросал во взбудораженные умы солдат простые, ясные слова о причинах войны, об ее отвратительных целях, об единственном средстве избавить человечество от ужасов войны и эксплуатации — о пролетарской революции.

В 1916 году Блюхер был тяжело ранен и уволен из царской армии. Он вернулся в родные места, на Волгу, работал токарем на Сормовском судостроительном заводе, отсюда перешел на механический завод Остермана в Казани.

В Казани в 1916 году Блюхер вступил в партию.

Он много и упорно учился, хотел даже сдать экзамен при гимназии на аттестат зрелости. Каждый вечер после работы на заводе он ходил в Собачий переулок к студенту-репетитору Нагорному.

Нагорный был энергичный юноша, бравшийся за одну зиму пройти с учениками полный курс гимназии. Он задавал Блюхеру чудовищные уроки. Один из питомцев Нагорного, учившийся у него вместе с Блюхером, вспоминая об этом времени, сознается, что от обилия заданного все ученики Нагорного совершенно шалели, и один только Блюхер упорно и точно выполнял все требования неистового репетитора.

На заводе Остермана было много молодых рабочих. Все заводы работали тогда «на оборону», и старых рабочих не хватало. Большинство остермановских рабочих были неопытны, не потерялись еще в пролетарской среде, не знали самых простых технических навыков. Среди молодых рабочих было много «горчичников». Так на Средней Волге зовут городских бедняков, ремесленников-«люмпенов».

«Горчичники» долго не могли привыкнуть к тому, что Блюхер — такой же рабочий, как и они. Их поражала его сдержанность, вежливость, привычка чисто одеваться, его правильный русский язык. «Горчичников» Блюхер учил не только токарному делу, но и политической грамоте.

На заводе Блюхер провел итальянскую забастовку в защиту уволенного товарища. В те годы увольнение с завода грозило отправкой на фронт.

Февральская революция застала Блюхера в городе Петровске бывшей Самарской губернии. Блюхер работал на тамошнем маслобойном заводе. При первом же известии о революции он бросил Петровск и уехал в Самару.

Приближался Октябрь. В Самаре во главе местных большевиков работал Куйбышев. Блюхер работал вместе с ним, — он руководил всем, что имело отношение к военному делу, к солдатам, к организации вооруженных рабочих отрядов.

Популярность Блюхера среди солдат запасных частей, стоявших в Самаре, была огромна. Военские части, формально подчиненные Временному правительству, на деле были целиком в ру-

как скромного и смелого большевика, токаря Блюхера.

В октябрьские дни Блюхер был членом самарского революционного комитета и начальником губернской охраны.

С октября 1917 года начался стремительный рост Блюхера, — столь же стремительный, как и развитие самой революции.

Все предыдущие годы с их упорной, но небольшой по размаху революционной работой, годы войны и медленного, трудного самовоспитания, создания из самого себя при помощи партии культурного и пронизательного революционера, сразу же отодвинулись в прошлое. Они кажутся только необходимой подготовкой и коротким предисловием к новой жизненной эпохе, отмеченной великими делами, победами и славой.

★

Талант Блюхера, как полководца, проявился на Урале в 1918 году во время героического похода в тылу у белых.

В мае 1918 года восстали чешские батальоны. Чехи шли эшелонами во Владивосток. Поезда с чехами растянулись от Пензы до Иркутска. Восстание чехов началось одновременно по всему этому длинному пути.

Вооруженные до зубов чехо-белогвардейцы захватывали города, арестовывали и расстреливали советских работников, создавали в занятых областях «маргаринные» белые правительства.

Плохо вооруженные, разрозненные партизанские отряды отчаянно дрались с чехами, но вынуждены были отступать, — не было патронов, не было пулеметных лент. Вместо пулеметов, чтобы хотя на время ввести в заблуждение врага, пускали в ход самодельные деревянные трещотки.

На Урале партизанские отряды отошли с тяжелыми боями под натиском чехов и белых к Белорецкому заводу.

На западе, востоке и севере были чехи, на юге — банды атамана Дутова. Красные отряды оказались в кольце белых. До своих, до ближайших регулярных частей Красной Армии было свыше

1 000 километров пути через области, занятые белыми.

На юге, в Оренбурге, стоял Блюхер, выбивший из города казачьи полки Дутова. Блюхер пошел на помощь уральским рабочим отрядам и соединился с ними в Белорецке. Был образован Южно-Уральский отряд численностью в 10 000 человек. Отряд этот отличался от остальных партизанских отрядов тем, что в его составе было крепкое, испытанное в революционной борьбе ядро рабочих-большевиков, составивших Белорецкий социалистический полк. В этот полк входили рабочие Белорецкого, Тирлянского, Кагинского и Узянского заводов.

Старинный Белорецкий завод был запружен оборванной, запыленной, измученной боями армией и тысячами беженцев.

Нужно было во что бы то ни стало прорваться к своим. Путь на юг, к Ташкенту, был долог и шел по открытым степям. Можно было пробиться на север, к Екатеринбург, занятому Красной Армией, и на восток.

На пути к Екатеринбург лежал Верхнеуральск. Туда белые стянули крупные силы. Чтобы пройти на север нужно было выбить белых из Верхнеуральска.

Десять дней красные части прорывались с боем через густые, девственные леса. Лето стояло знойное, засушливое.

Лесные бои — самые трудные и медленные. Каждое дерево превращается в форт, каждая заросль дикой малины — в засаду. Но все же бойцы, хотя и ограниченные «патронным пайком», медленно, шаг за шагом, сбивали белые казачьи части и офицерские роты и подошли к Верхнеуральску.

Белые окопались под городом на горе Извоз — лысой, пыльной, заросшей низкой колючей травой. Гора была густо залетена проволокой и изрыта волчьими ямами. Длина проволочных заграждений составляла двадцать километров — неслыханная длина в истории гражданской войны. А в отряде не было даже ножниц, чтобы резать проволоку.

Начался кровопролитный штурм Извоза. Красные части карабкались под ураганным огнем на крутую и гладкую гору, где не было никаких, даже самых пустяковых, прикрытий. Пулеметные пули поднимали густую пыль.

Бойцы ломали проволоку руками, бросались на нее сразмаху всей тяжестью своих тел и рвали ее, оставляя на колючках куски кожи и одежды. Многие бойцы проползали под проволокой по земле.

Патроны быстро иссякли. Единственный выход был в том, чтобы скорее прорваться через проволоку и броситься на белых в штыки.

К вечеру проволока была прорвана и начался безмолвный рукопашный бой. Белые дрогнули. К ночи Извоз был взят, путь на север был свободен, но этой же ночью в отряде узнали, что Екатеринбург пал, захвачен белыми.

Двигаться дальше на север было бесполезно. Нужно было выбрать другой путь.

Созвали совещание командиров. На нем Блюхер изложил свой план соединения с Красной Армией.

Надо было вернуться в Белорецк и двигаться оттуда через горы на запад по глухим дорогам, дойти до берега Белой, свернуть вдоль реки на север, пересечь железную дорогу и соединиться с частями Красной Армии около Кунгура. На этом пути было меньше белых. Высокие горные цепи защищали от ударов с флангов, и, кроме того, были сведения, что в этом районе действовали небольшие партизанские отряды.

План Блюхера был принят всеми командирами. На этом же совещании Блюхер был избран командующим Южно-Уральским отрядом.

Отряд начал с боями отходить от Верхнеуральска к Белорецку. Каждый день налетали казаки.

В одной из стычек казаки окружили пулеметчика Бачурина. Он выпустил последнюю ленту, лег на пулемет и взорвал себя вместе с пулеметом ручной гранатой.

Через много лет после этого Блюхер писал: «Мне вспоминается бесконечное число случаев беспримерного героизма».

Смерть Бачурина была одним из этих бесконечных случаев.

В старой, дореволюционной армии, в армиях других стран бывали проявления храбрости. Но нигде и никогда еще не было такого случая, чтобы вся армия состояла из людей, для которых героизм стал второй натурой, как это было и есть в Красной Армии.

Героизм определяется не только личной храбростью, но, главным образом, величием и силой идей, за которые люди дерутся. В этом причина героизма Красной Армии и залог ее непобедимости.

После недолгой передышки в Белорецке начался беспримерный поход Южно-Уральского отряда на запад, через территорию, занятую белыми.

5 августа 1918 г. отряд выступил из Белорецка. Он растянулся по глухим горным проселкам на двадцать километров. Шла босая пехота, шла измученная кавалерия, гремели старые, износившиеся орудия, тянулись сотни подвод с ранеными бойцами, боевыми припасами и провиантом. Вместе с отрядом уходили из Белорецка сотни рабочих.

Путь был мучителен. У телег горели немазаные колеса, на тяжелых, почти непроходимых подъемах лошади выбивались из сил, есть было нечего.

Босая и голодная армия медленно, непрерывно и упорно двигалась на запад, легко отбрасывая налетавшие на нее казачьи отряды. В этом движении было столько настойчивости и спокойствия, что белые вначале растерялись.

Имя Блюхера вызывало трепет. Кто он, откуда появился этот неустрашимый и талантливый полководец, чьи оборванные полки спаяны, как легендарные римские легионы? Кто он, полководец армии, которую невозможно остановить, как нельзя остановить медленно текущую глубокую, полноводную реку? Не может быть, чтобы это был простой рабочий, токарь, бывший рядовой царской армии. Белые газеты печатали сенсационные известия о том, что Блюхер — немецкий генерал, нанятый за большие деньги Совнаркомом. Белое командование назначило за голову Блюхера награду в двадцать тысяч

рублей. Блюхер, читая объявления об этом, сдержанно улыбался, — он был совершенно спокоен за свою голову.

У себя в штабе он изучал карты и разгадывал их с необычайной легкостью. Карта оживала в его руках и выдавала все свои тайны, ловушки, скрытые опасности.

В боях он был рядом с бойцами. Под ним убивали лошадей, но пули не трогали его. Его видели всюду в отряде — этого стройного жизнерадостного человека с серыми, очень внимательными, чуть прищуренными глазами и спокойным, мужественным голосом. Всяду была видна его потертая до белых лысин кожаная куртка и старая солдатская фуражка.

Он мало смеялся. Смех у него заменяла улыбка. Только один раз во время похода бойцы видели, как командующий смеялся громко, от души.

Это было на берегу реки Сарыган. Измученные кавалеристы остановились на привал под черными густыми ивами, разделись и начали купаться. Неожиданно из леса вырвались казаки.

— Кошомники! — успел крикнуть кто-то из бойцов. Нет более обидного прозвища для казаков, чем это малопонятное слово. Казаки спешили и открыли по кавалеристам огонь. Пули с треском распарывали воду. Одеваться было некогда. Голые кавалеристы вскочили на коней и с громкими криками ринулись на казаков в атаку. Казаки бежали. Блюхер смеялся. Должно быть, впервые в военной истории кавалерия голой ходила в атаку.

Стояла медная и звонкая уральская осень. Дороги и леса были засыпаны палыми листьями. Их терпкий, холодный запах освежал усталых бойцов. На привалах бойцы собирали костянику, — они называли ее «кровавыми слезками». Осень была на счастье сухая, ясная, почти не было дождей.

В Богоявленском к отряду Блюхера присоединился партизанский отряд Калмыкова. Богоявленские рабочие решили уходить от белых вместе с красными частями. По всему поселку зазвонили в старинные чугунные била, — созывали сход. Надо было решить — брать ли

с собой семьи или оставить их в Богоявленском? Рабочие решили семей не брать, чтобы не задерживать громоздкими обозами движение отряда и дать ему возможность поскорее соединиться с главными силами Красной Армии.

За Богоявленским горы стали ниже, появились первые липовые леса, — отряд выходил в предгорья Урала.

От села Макарова отряд повернул на север, на Кунгур, оставляя Уфу к западу. В Уфе началась паника. Белые газеты писали, что Блюхер убит, но никто в это не верил.

Отряд остановился у глубокой и быстрой реки Сим. Начали строить мост. Гвоздей не было, пришлось связывать бревна веревками.

Белые воспользовались остановкой Блюхера, чтобы нанести ему сильный удар. Блюхер принял бой.

Сражение развернулось широким фронтом, — длина его составляла тридцать километров. Чтобы отвлечь внимание белых от строившегося на Симе моста, Блюхер начал ложную переправу через реку Белую около Бердиной Поляны.

Бой шел в деревнях Зилим, Ирныкши и Бердина Поляна. Деревни горели. Под Блюхером был убит его любимый конь. Белые наседали с неслыханным ожесточением. Дрались главным образом на околицах деревень. Поэтому бои за переправу через Сим получили у бойцов название «околичных». Несколько раз белые начинали теснить красные части, но положение спасали стремительные встречные атаки.

Главные силы вступили на мост. Белых сдерживали только арьергарды. К ночи переправа всего Уральского отряда через Сим была закончена.

Мост сожгли, и отряд стремительно двинулся дальше на север и перерезал около станции Иглино (к востоку от Уфы) Самаро-Златоустовскую железную дорогу, отшвырнув к Уфе заградительные отряды белых.

Чешские батальоны отступили к Уфе, даже не приняв боя. Подтянутые и чистые чешские полки не выдерживали схваток с голодной армией — неистойвой и бесстрашной.

Московская Пролетарская дивизия.

Отступление чехов усилило панику в Уфе. Она достигла наивысшего напряжения, когда красные части обстреляли поезд, в котором ехали в Уфу члены пресловутого уфимского учредительного собрания. Среди обстрелянных были Чернов и Брешко-Брешковская.

Части Блюхера разрушили железную дорогу на двадцать километров и двинулись дальше на север. Впереди было последнее препятствие — река Уфа.

Белое командование бросило в погоню за Блюхером отборные части. Неуловимый Блюхер уходил из западни, из окружения, быстро двигался к рубежам, за которыми преследование его становилось уже невозможным. Необходимо было задержать его на реке Уфе. Белье рассчитывали, что Блюхеру не удастся перейти реку, — места вокруг были безлесные, не из чего было построить мост, а река была полноводная и быстрая, с топкими, болотистыми берегами.

Когда Уральский отряд выходил из Иглина, Блюхер стоял на крыльце деревянного дома и смотрел на свои войска.

Удивительная армия проходила перед ним — исхудалая, почерневшая от не-

прерывных походов и сражений. Бойцы несли самодельные грубые знамена, покрытые пылью, изорванные в клочья в боях. Армия была одета в лапти, в зипуны, в пиджаки, в заскорузлые солдатские шинели. Разнокалиберные потертые винтовки качались за плечами, шашки у кавалеристов были не в ножнах, а в деревянных колодках.

Шли русские, башкиры, латыши, уральские казаки, украинцы, китайцы, шли молча, вперемежку с обозами. Возницы, проезжая мимо Блюхера, снимали шапки, раненые подымали вверх костыли, приветствуя своего командующего.

Блюхер молчал. Голодная армия, покрытая славой, армия первых дней революции шла на новые испытания. Ее не надо было ободрять, она не нуждалась в благодарности, — каждый боец дрался за свое кровное дело.

На реке Уфе не было леса. Мост пришлось строить под ураганным огнем в обстановке напряженного боя. Мост длиной в сто сажений складывали из гнилых бревен от разобранных изб. Бревна доставляли крестьяне-башкиры. Они подвозили их к берегу реки по ботам под орудийным огнем.

Бревна закидали хворостом, и началась осторожная переправа. Кавалерийские части Блюхера ударили во фланг белым и приняли на себя весь огонь, пока отряд не переправился через Уфу.

За рекой армия Блюхера вышла из лесов и гор в глухие, безлюдные, равнины, заросшие редким березовым лесом. Шли по проселочным дорогам. Главные силы Красной Армии были уже недалеко.

В один из серых и сырых осенних дней разведка Блюхера встретилась с передовыми частями Красной Армии. Случилось это около деревни Аскино к югу от Кунгура. А через несколько часов регулярные части Бирской бригады, выстроившись, пропускали мимо себя неожиданно появившуюся из уральских земель армию Блюхера.

Весть о появлении этой армии, прошедшей с боем 1 500 километров по белым тылам, быстро разнеслась по всей стране, по фронтам. Застучали аппараты прямых проводов. Шли донесения Блюхера, шли радостные ответы из Кремля.

30 октября 1918 года Блюхер был награжден за героический поход по Уральским горам орденом Красного Знамени. Блюхер был первым человеком в стране, получившим этот орден.

А через семнадцать лет — в 1935 году — молодые рабочие Белорецкого завода прошли пешком весь этот героический путь, чтобы изучить и на всю жизнь запомнить места, где проходили вместе с Блюхером, отбиваясь от белых, их отцы и деды. Молодых рабочих провели по этому пути трое старых партизан, участников легендарного похода.

★

В 1919 году Блюхер с 51-й стрелковой дивизией прошел всю Сибирь, очищая ее от Колчака. 51-я дивизия была сформирована им из закаленных бойцов — уральских рабочих и сибирских партизан.

В 1920 году дивизия была перебросена под Каховку и Перекоп против Врангеля.

К своим воспоминаниям о Перекопском бое Блюхер взял эпитафию из Багратицкого:

И, разогнав густые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы красные знамена пронесли.

Так встретились полководец и поэт. Эта как будто незначительная черта характеризует все наше время.

Командующий пролетарской армией знает и любит поэзию, — она ему сродни. Характерна также на ненависть, с которой Блюхер упоминает о солдафонстве иностранных генералов и офицеров. Дух старых армий ненавистен ему, врожденному пролетарскому полководцу. В бою Блюхер смел и решителен, в личной жизни он мягок и культурен в самом высоком значении этого слова.

51-я дивизия получила приказ овладеть Перекопом. Нет ни одного человека в Советском Союзе, который бы не знал хотя бы в общих чертах картины этого громадного беспремерного боя. Перед ним меркнет слава Аустерлица, Бородина, Ватерлоо.

Части 51-й дивизии шли на штурм перекопских бетонных укреплений и Турецкого вала, закрывавших наглухо Крым. Крупные военные специалисты Европы считали, что Перекоп неприступен.

Но Перекоп был взят. В своих воспоминаниях — сдержанных и полных скупой выразительности — Блюхер говорит: «Мы наблюдали грандиозную панораму еще невиданного по масштабу боя. Мы натолкнулись на стену из жерл орудий и дул пулеметов»

Волны огня с суши и с моря били в ряды бойцов 51-й дивизии. Дивизия бросалась на штурм, огонь сбивал ее с Турецкого вала, бойцы слепли от света прожекторов, но бросались в штыки снова и снова, и к вечеру белые офицерские полки были выбиты из бетонных укреплений и в беспорядке отошли на Юшунские позиции.

11 ноября 51-я дивизия прорвала и Юшунские позиции белых. Сегодня, — телеграфировал в этот день Блюхер, —

в 9 часов утра дивизия вступила твердой ногой в чистое поле Крыма.

15 ноября дивизия вошла в Севастополь. Прекрасный город, город Черноморского флота и революционных традиций, прекрасная южная земля были возвращены революции.

51-й дивизии было присвоено с тех пор название Перекопской. За бой под Каховкой и Перекопом Блюхер получил еще два ордена Красного Знамени.

★

В 1921 году Блюхер был назначен председателем военного совета и главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальневосточной республики.

Приморье было занято японцами. Как и все интервенты, японцы прибегли к излюбленному шаблонному приему, — они создали во Владивостоке белое правительство Меркулова, сами же изображали из себя только недолгих друзей, призванных этим правительством для защиты от большевиков. Интервенты были всегда наглы, в этом же случае они были еще и глупы. Совершенно непонятно, кого они хотели убедить в своих «мирных намерениях». Никто в мире в это не мог поверить.

Свое настоящее лицо японцы показали во время переговоров с представителями Дальневосточной республики в Дайрене в 1921 году. В этих переговорах участвовал Блюхер.

Японцы выставили ряд наглых и разбойничьих требований. Они требовали, чтобы на территории Дальневосточной республики не был введен «коммунистический режим», требовали сохранения частной собственности, уничтожения всех укреплений и береговых батарей, передачи им якобы на 80 лет Северного Сахалина. Наконец они требовали, чтобы Дальневосточная республика не имела на Тихом океане ни одного военного корабля.

Представители Дальневосточной республики ответили резким отказом и уехали из Дайрена.

Тогда японцы бросили против частей народно-революционной армии Дальневосточной республики банды атамана

Калмыкова и генерала Молчанова. Чтобы охарактеризовать этих людей, достаточно привести отзыв о Калмыкове американского генерала Гревса, начальника американских экспедиционных войск на Дальнем Востоке. Ему то уж не было смысла разоблачать Калмыкова. «Калмыков, — сказал Гревс, — был самым отвратительным негодяем, которого я когда-либо видел».

Калмыкова сменил Молчанов. Лозунг у Молчанова был простой: «Вперед к Кремлю».

В декабре 1921 года войска Молчанова перешли нейтральную зону, установленную между Владивостоком и Хабаровском, и захватили Хабаровск. Части народно-революционной армии отступили.

«Необходимо было, — говорит Блюхер, — крепко ударить белых интервентов в зубы».

Вскоре после занятия Хабаровска белыми Блюхер был назначен главнокомандующим народно-революционной армией. Он уничтожил в ней дух партизанщины и превратил ее в регулярную армию, хотя и плохо еще одетую и вооруженную, но все же гораздо более крепкую и дисциплинированную, чем раньше.

С первых же дней своей военной работы Блюхер стремился к превращению вооруженных рабочих дружин и партизанских отрядов в регулярные красноармейские части. Он боролся за дисциплину, за четкость, за культурность армии, за новейшее вооружение, за использование всего ценного, что заключается в военной практике других стран, иными словами, он всегда боролся за то, чтобы армия первого в мире социалистического государства была непобедимой.

Вступив в командование армией Дальневосточной республики, Блюхер немедленно начал разрабатывать план сокрушительного удара по войскам генерала Молчанова.

В поезде по пути на Дальний Восток он написал письмо генералу Молчанову, являющееся блестящим образцом агитации. Письмо это широко рас-

пространили по белой армии и только после этого переслали самому Молчанову.

«Я — солдат революции, — писал Блюхер, — и хочу говорить с вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек.

Какое солнце вы предпочитаете видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы».

На станции Волочаевка белые создали второй, дальневосточный Перекоп. Высокая сопка Карань около станции была оплетена проволокой в шесть рядов. Все было изрыто окопами, блиндажами, волчьими ямами. У белых были орудия, бронепоезда, танки. «В Волочаевке создан Верден» — с восторгом писали белые газеты.

Народно-революционная армия была раздета, плохо обута. В армии был всего один старенький танк.

Стояли жестокие, невыносимые морозы в 40 — 45 градусов. Несмотря на это, Блюхер решил взять Волочаевку. Старые военные специалисты считали, что брать Волочаевку зимой — безумие, что армия погибнет от морозов, не сможет даже вести огня, что операцию надо отложить до весны. Но Блюхер назначил штурм Волочаевки на 10 февраля, — ждать было нельзя. Каждый день промедления укреплял белых и усиливал наглость интервентов.

10 февраля поздним утром на низкой, болотистой равнине, засыпанной снегом, в редком березняке, свистевшем от ледяного ветра, в жестокий мороз, в зимней тяжелой мгле бойцы народной армии начали штурм сопки Карани — подступа к Волочаевке.

Пальцы прилипали к затворам, мороз душил, ослеплял, пули звенели в застывшем воздухе, как в битом стекле.

Проваливаясь в снегу, бойцы рвали колючую проволоку руками и несколько раз ходили на белых в штыковые атаки. Бронепоезда били по частям Народной армии сосредоточенным огнем. Бе-

лые заливали равнину огнем свинца. Раненых было немного, потому что раненые падали в снег и замерзали от чудовищной стужи. Многие замерзли во время перевязок.

К вечеру бой стих, не дав решительных результатов. Обмороженные части Народной армии остановились.

11 февраля боя не было. Наши части лежали в снегу около проволочных заграждений противника.

«На морозе, от которого стыла кровь, — пишет один из участников волочаевских боев, — залегла армия Восточного фронта».

Блюхер по колено в снегу обходил части. Веселый и простой, он шутил с народоармейцами, очень внимательно слушал и тепло отвечал. В беседе его открытое, загорелое лицо быстро меняло свое выражение. Когда он был чем-нибудь недоволен, его черные брови тесно сдвигались. Блюхер недавно прибыл на фронт, но народоармейцы уже хорошо знали и любили его.

Места вокруг Волочаевки были безлюдные, пустынные. Поблизости не было ни деревень, ни поселков. На равнине стояло только три небольших дома.

Весь день 11 февраля бойцы по очереди отогревались в этих домах. У многих бойцов были отморожены уши и руки. Дома были жарко натоплены. В одну маленькую комнату набивались десятки бойцов. Люди лежали штабелями друг на друге.

Белые недоумевали. Молчание Народной армии они приняли за какую-то военную хитрость и начали нервничать.

12 февраля в седом рассветном дыму Народная армия бросилась на второй штурм Волочаевки. Бой за короткое время достиг жестокого напряжения. К десяти утра вся равнина дрожала от орудийного грома и криков атакующих частей. Белые дрогнули.

Заросшие инеем, засыпанные снегом, окутанные паром от дыхания, бойцы Народной армии пошли в штыки. Тусклое солнце осветило цепи людей, похожих на глыбы снега и льда. Но эти люди не лежали пластом на земле, они бежа-

Худ. Машков. Волочаевский бой.

ли вперед по снегу, покрытому розовыми пятнами крови, и, казалось, ничто в мире не могло их остановить.

Белые не выдержали. Они начали отходить, отстреливаясь от бойцов Народной армии, как от призраков, потом отход превратился в бегство. Днем Волочаевка была взята, а 14 февраля был взят и Хабаровск.

Героизм красных частей под Волочаевкой был беспримерен. Даже сдержанный Блюхер, обезьяя места боя, сказал, что он затрудняется выделить доблесть какой-нибудь отдельной части: геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все.

Даже белые были поражены отвагой наших частей. Полковник Аргунов, командовавший белыми частями в районе Волочаевки, убегая к Иману, сказал, что он всем бы красным героям Волочаевки дал по георгиевскому кресту.

Белым не помогло ничто — ни прекрасное вооружение, ни опытное командование, ни то, что белая армия хорошо питалась, была тепло одета. Не помогли и призывы генерала Молчанова к своим старшим начальникам «вдунуть в сердца подчиненных страстный дух победы и наэлектризовать каждого».

Через несколько дней Народная армия встретилась в Спасске с японцами. Японцы начали отходить к Владивосто-

ку, — их карта была бита. Вскоре и Владивосток стал советским, стал «нашенским», как сказал Ленин.

За разгром белых и интервентов на Дальнем Востоке Блюхер был награжден четвертым орденом Красного Знамени. Слава его, как полководца, перешла за рубежи Советского Союза. Иностранные военные специалисты писали о нем, как о блестящем стратеге, — писали скрепя сердце, с тайным страхом в душе.

Ведь даже врангелевские газеты говорили о Блюхере, что он «силен, хитер, но наши войска с божьей помощью его разобьют». Врангелю не мог помочь ни бог, ни черт, ни даже высокая военная техника, переданная ему оккупантами, ибо в классовой войне победа определяется силой классовой ненависти и чувством правого дела.

★

С 1924-го по 1927 год Блюхер работал в Китае. Он был главным военным советником национального правительства Китая, советником Сун Ятсена. После того Блюхер вернулся в Советский Союз и продолжал упорную работу над укреплением Красной Армии.

Осенью 1929 года, когда китайские белобандиты захватили Китайско-Во-

сточную железную дорогу и перешли границы Советского Союза, Блюхер был назначен командующим Особой Дальневосточной Армией.

Всем памятна эта короткая война, получившая название конфликта. Одним быстрым и метким ударом Блюхер уничтожил ядро белобандитских войск. Еще у всех в памяти несметное число пленных и военного снаряжения, захваченного Блюхером.

Все методы и характер этой войны определяются следующим приказом Блюхера:

«Я призываю к величайшей бдительности. Еще раз заявляю, что наше правительство и в данном конфликте придерживается неизменной политики мира.

На провокацию необходимо отвечать нашей выдержкой и спокойствием, допуская впредь, как и раньше, применение оружия исключительно только в целях собственной самообороны от налетчиков».

В этой войне Дальневосточная Красная армия и Блюхер, руководивший ею, снова показали всему миру не только свою боевую, но и революционную и моральную мощь.

В первые дни войны было замечено, что китайцы проявляют панический страх перед пленом. Некоторые пленные даже пытались покончить с собой самоубийством. Об этом стало известно Блюхеру. Надо было найти причину необоснованного страха. Блюхер изучил для этого всю агитационную белую литературу, — он понимал, что страх этот навязан со стороны и не является непосредственным.

Оказалось, что белые листовки были наполнены рассказами о жестокости русских. Листовки напоминали китайским солдатам о так называемом боксерском восстании, когда по приказу русских генералов в Амуре были утоплены тысячи китайских крестьян. Белые использовали этот случай для агитации против Дальневосточной Красной армии, — ведь эта армия по национальности была в большинстве своем русской.

Разбить эту агитацию ничего не стоило. Она была уничтожена самим

ходом вещей — гуманным и товарищеским отношением к пленным китайским солдатам.

Дальневосточная армия была первой армией в мире, подвозившей на поля сражения не только патроны и снаряды, но и муку и продовольствие. Муку раздавали бесплатно китайской бедноте. Нищие китайские деревни благословляли приход таких необыкновенных «врагов». Но это не было военным приемом, средством заслужить любовь населения, — это было простое выражение солидарности с бедняками-крестьянами всех стран, всех народов.

★

В нашей Красной Армии рождаются прекрасные традиции. Одна из таких традиций — тесная связь армии с родителями бойцов. Эта традиция особенно крепка в Дальневосточной армии. Блюхер является ее вдохновителем. Он неотступно проводит ее в жизнь. Он переписывается с семьями бойцов, ежедневно укрепляет крепкие нити, связывающие армию с ее народом. Он приглашает родителей бойцов посетить армию и встречает их, как дорогих и почетных гостей.

Служба в Дальневосточной армии требует особой бдительности. Сплошь и рядом белые и японские банды переходят границу и встречаются жестокий отпор. В этих стычках бывают убитые и раненые бойцы, и каждый раз Блюхер пишет родителям этих бойцов письма, чтобы утешить их в горе. Блюхер хорошо знает цену простой народной мудрости, цену слов: «Какова березка — таковы и листочки». Он знает, что за спиной его бойцов стоят не менее мужественные, отважные отцы, братья, сестры. И почти всегда на место погибшего семья дает другого бойца, чтобы так же стойко и бдительно охранять границы Союза от врагов, и новому бойцу передается по традиции винтовка погибшего.

Не даром старый колхозник Михеев, побывав в Дальневосточной армии, писал Блюхеру:

«Я — седовласый старик, много видел на своем веку, но, честное слово, я еще не видел такого прекрасного края, как Дальний Восток, и вы его, товарищ Блюхер, вместе с нашими сыновьями зорко охраняете. Особая Краснознаменная армия, ее бойцы и ее командиры охраняют Дальний Восток».

Четыре сына Михеева служат в ОКДВА. Из этих четырех братьев создан экипаж одного из танков.

«В своем письме, — ответил Блюхер Михееву, — вы с чувством неподдельного восторга отозвались о бойцах и командирах ОКДВА, заявляя, — какой хороший народ в Красной Армии. А ведь народ этот — ваши сыновья, дорогой Дмитрий Федорович».

Наша молодежь мечтает о том, чтобы служить под началом маршала Блюхера. Блюхер получает сотни писем от юношей с просьбой принять их в Дальневосточную армию.

Из множества этих писем я останавлиюсь на одном.

Содержание его таково:

«Может быть, вы помните Казань, где вы работали токарем на заводе Остермана; может быть, вы помните, как к вам приходили два соседских маленьких мальчика. Вы вырезали им деревянные пистолеты и сделали деревянные пули, обернутые серебряной бумагой. Так вот, один из этих мальчиков уже вырос и мечтает только о том, чтобы свою красноармейскую службу отслужить в героической армии, которой вы командуете».

★

Имя Блюхера в последние годы неразрывно связано с Дальним Востоком, под его руководством наша дальневосточная граница превратилась в «границу из бетона».

Блюхер охраняет границу — зорко, спокойно, охраняет сильной рукой. Нужна большая выдержка, чтобы не отвечать на бесчисленные провокации, которыми так богата эта граница, и вместе с тем давать беспокойным соседям хорошие уроки, когда это бывает нужно.

Страна спокойна за этот далекий и сказочно богатый край. Он расцветает на глазах. По словам Блюхера, карта Дальнего Востока меняется непрерывно. Эти слова — деловое замечание, а не художественный образ. Они характерны для полководца, привыкшего читать карты, как мы читаем книги.

Когда Блюхер говорит, что дальневосточная тайга расступается перед волей большевиков, в этой фразе точно и коротко выражен грандиозный процесс изумительного культурного и хозяйственного роста края.

Страна спокойна за Дальний Восток, — его охраняет Маршал Советского Союза Блюхер — человек высокой революционной закалки, воспитанный ленинской и сталинской эпохой, человек громадного личного мужества и стойкости, прямоты и военного таланта, человек нового времени и новой социалистической культуры.

и регулярно, что наши агитаторы будут просвещать красноармейцев и окружающее их население с утроенной энергией, что наш тыл будет очищаться от скверны и укрепляться всеми силами, всеми средствами.

Только при этих условиях можно считать победу обеспеченной».

Поход белополяков, которыми командовал лично Пилсудский, закончился паническим бегством их с Украины. Огромную роль в этой победе сыграла Первая Конная армия, организованная, как известно, по замыслу товарища Сталина.

Поляков пытался поддержать Врангель, начавший вылезать из своего «крымского логова».

Говоря о несомненных наших успехах на антипольских фронтах, товарищ Сталин ни на минуту не забывал о Врангеле.

«... Партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле!», «Смерть Врангелю!».

Организация нового фронта была поручена Сталину.

Ленин пишет Сталину: «Только что провели Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем...».

7 августа 1920 г. Сталин телеграфирует Ленину из Лозовой: «Седьмого утром наши части форсировали Днепр, заняли Алешки, Каховку и другие пункты на левом берегу, есть трофеи, которые подсчитываются. По всему Крымскому фронту наши перешли в наступление и продвигаются вперед».

В книге напечатаны документы

Ленина и Сталина, относящиеся к периоду апреля—августа 1918 г. на Северном фронте. Приведен разговор по прямому проводу Ленина и Сталина с Юрьевым (Алексеевым), председателем мурманского совета, начавшего осуществлять, под влиянием авантюристической политики Троцкого, позорное сотрудничество с интервентами. Создалось запутанное положение, и товарищ Сталин, ставя вопросы в упор, расшифровывает подоплеку предательской деятельности мурманского совета.

Книга заканчивается документами о положении на Кавказе, где товарищу Сталину было поручено руководство ликвидацией уцелевших еще белогвардейских отрядов (речь идет о 1920 г.), и материалами о съезде народов Дагестана.

Бурные овации, которыми приветствовал съезд народов Дагестана великого Сталина, были признанием того, что Красная Армия «является армией братства между народами нашей страны, армией освобождения угнетенных народов нашей страны, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны». (Сталин.)

Так, шаг за шагом, показывает замечательная книга К. Е. Ворошилова облик великого Сталина, самого дорогого и близкого друга Красной Армии и Флота. В годы гражданской войны Ленин и партия направляли его в самые опасные и ответственные места, на все фронты, и всюду товарищ Сталин организовывал победу.

Его неусыпным заботам обязана наша родина тем, что мы имеем могучую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, готовую сокрушить врага на его же территории, откуда бы он ни пришел.

Редколлегия: Ф. В. Гладков.
Л. М. Леонов.
А. Г. Малышкин.
В. П. Ставский.

Ответственный редактор В. П. Ставский.

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».